

Петр Александрович Половцов
Дни затмения
Серия «Окаянные дни (Вече)»

Издательский EPUB

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31729765

Дни затмения: Вече; М.; 2016

ISBN 978-5-4484-7061-5

Аннотация

В своих воспоминаниях Главнокомандующий войсками Петроградского военного округа генерал-лейтенант П.А. Половцов рассказывает о событиях 1917 года в столице России. Опытный офицер-генштабист описывает разложение армии и революционные события, встречи с Керенским и Гучковым, различные революционные формирования, украинизацию некоторых частей русской армии, последние операции на фронтах и жизнь Кавказа накануне Гражданской войны.

Содержание

Мемуары генерала П.А. Половцова: 1917 год в истории Отечества	5
Предисловие	20
Перед революцией	22
Революция	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Петр Александрович Половцов Дни затмения

© Сенин А.С., предисловие, примечания, 2016

© Гольдин А.П., Семенов К.К., приложения, 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Мемуары генерала П.А. Половцова: 1917 год в истории Отечества

Петр Александрович Половцов родился в семье крупного чиновника, действительного тайного советника, занимавшего должность государственного секретаря. Окончил гимназию и историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1897 г. он был призван на действительную военную службу, которую проходил в 44-м Нижегородском, затем в Гродненском гусарском полках. Карьера гражданского чиновника его не прельстила, и он решил остаться в армии. В 1899 г. Половцов сдает экзамен в Николаевское кавалерийское училище, а в 1901–1904 гг. учится в Николаевской академии Генерального штаба, где завершает свое военное образование.

Вскоре после начала Русско-японской войны Половцов был причислен к Главному штабу и командирован в действующую армию. Молодой офицер занимает ряд штабных должностей во 2-м, затем 3-м Сибирских армейских корпусах, служит старшим адъютантом 1-го кавалерийского корпуса. В последующие годы, вплоть до начала Первой мировой войны, Половцов служил в столице, в Главном управлении Генерального штаба. Здесь он познакомился с неко-

торами молодыми офицерами, мечтавшими реформировать русскую армию и прозванными за это «младотурками». Так назывались в Европе члены турецкой буржуазно-националистической организации, возглавившей борьбу против феодального абсолютизма и пришедшей к власти вследствие революции 1908 г., в результате которой в Турции была провозглашена конституционная монархия. Со многими «младотурками» – офицерами Генерального штаба – Половцов тесно сотрудничал на посту главнокомандующего войсками Петроградского военного округа в 1917 г.

С началом Первой мировой войны П.А. Половцов назначается командиром Татарского полка и направляется на фронт. С февраля 1915 г. он командует 2-й бригадой Кавказской Туземной дивизии. Год спустя становится начальником штаба 2-го Кавказского корпуса. О дальнейшей военной карьере Половцов рассказывает в своих мемуарах. За отличия в боях он был награжден орденами Св. Владимира 4-й степени (с мечами и бантом), Св. Анны 4-й степени (с надписью «За храбрость»), Св. Станислава 3-й степени (с мечами и бантом), Св. Георгия 4-й степени, имел ряд иностранных орденов: персидский орден Льва и Солнца 4-й степени, китайский орден Двойного Дракона 2-й степени и др.

По своим взглядам П.А. Половцов был близок к известному генералу Л.Г. Корнилову – скептически относился к членам Временного правительства, был решительным сторонником наведения «порядка», не скрывал своей неприяз-

ни к Советам, к социал-демократам и социалистам-революционерам. Это нашло свое отражение на страницах воспоминаний. На наш взгляд, Половцов не понимал истинных причин радикализации масс в 1917 г., их симпатий к большевикам, истолковывая этот процесс лишь как происки противников России.

После Февральской революции у власти оказалась русская либеральная интеллигенция, преуспевшая до этого в критике существовавшего государственного строя и немало поспособствовавшая краху Российской империи. Эта многолетняя критика не смогла не сформировать определенное общественное мнение, которое после Февральской революции быстро почувствовало на себе Временное правительство. Ведь любое решение новой власти бралось по-прежнему под подозрение, в нем искали подвох, тайный смысл, раздумывали: выполнять или не выполнять. Возникшие уже в дни революции Советы рабочих и солдатских депутатов не только весьма своеобразно комментировали постановления Временного правительства, но и часто принимали свои решения, идущие вразрез с деятельностью кабинета министров.

Осенью 1917 г., уже в канун новой революции, газета «Новое время» констатировала: «Не проходит дня, чтобы правительство не объявило ту или другую губернию или какой-нибудь город на военном положении. Постановления об этом выносятся в заседания Временного правительства, спешно

сообщаются по телеграфу к месту назначения и... на том все кончается... Морального авторитета оно не имеет, а для физического воздействия у него нет аппарата. Оно не может заставить себе повиноваться. Оно в лучшем случае может вступить в переговоры с теми, кто захочет с ним разговаривать». А вот зарисовка с натуры, данная автором мемуаров о так называемой «Шлиссельбургской державе»: «Там было объявлено, что каждая волость, наподобие американского штата, представляет собой самостоятельную единицу, а в Шлиссельбурге будет заседать союзный конгресс. На первом заседании конгресса было выяснено, что вся сумма государственного дохода соединенных штатов равняется 150 тыс. рублей. Каждому народному представителю, как в управлении отдельных штатов, так и в центральном конгрессе, было положено жалованье в 5 тысяч в год, что как раз покрывало всю сумму дохода. И с таким простым бюджетом республика начала действовать». Заметим, что все это происходило менее чем в сотне верст от Петрограда.

Начала государственности вообще не имели массовых сторонников среди интеллигенции России. Известный юрист, философ и общественный деятель А.С. Изгоев справедливо писал: «Интеллигенция совершенно не понимала ни природы человека и силы движущих им мотивов, ни природы общества и государства и условий, необходимых для их укрепления и развития». После Февральской революции русская интеллигенция была вынуждена немедленно из оп-

позиции самодержавию пересест в министерские кресла, принять на себя ответственность за дальнейшее развитие страны. Но тут ее и постигло банкротство. По словам Изгоева, «все главные политические, социально-экономические и психологические идеи, в которых столетие воспитывалась русская интеллигенция, оказались ложными и губительными для народа». О том, что случилось, констатировал в августе 1917 г. лидер партии кадетов П.Н. Милюков: «Мы, конечно, не ожидали и не хотели».

Естественно, что воспоминания Половцова прежде всего ценны характеристикой происходившего тогда в вооруженных силах. Он дает живое описание работы комиссии, образованной «для переработки законоположений и уставов в точном соответствии с новыми правовыми нормами под председательством генерала А.А. Поливанова», и приходит к неутешительному выводу: «Безусловно, коллегиальные учреждения могут тогда только производить какие-нибудь реформы, когда над ними есть рука умного человека с сильной волей, для которого разглагольствование коллегии могут служить умственной пищей. Но таких людей в революции не видать».

Однажды П.И. Пальчинский, член военной комиссии Временного комитета Государственной думы, тайно привез членов комиссии в Министерство юстиции к А.Ф. Керенскому по его просьбе. По словам Пальчинского, «для вразумления его по военным вопросам». На недоуменные вопросы

членов комиссии он заявил, что Керенский – «единственный сильный человек, которого выдвинула революция, мы должны его всячески поддерживать и просвещать». Половцов доложил о состоявшейся беседе А.И. Гучкову, который не без иронии заметил, что «если Керенский желает ближе знать военные дела, то он, Гучков, против этого ничего не имеет. Чем больше он будет знать, тем это будет для него полезнее». Самого же Половцова поражала неосведомленность новых министров в элементарных вопросах. Этот факт отмечали в своих воспоминаниях многие очевидцы российской революции: А.А. Бубликов, А.И. Деникин, Ю.В. Ломоносов и др.

Революция властно вмешалась в освященные вековыми традициями порядки назначения на те или иные должности. Особенно остро это чувствовалось в армейской среде. Только в кошмарном сне можно было увидеть поручика (10-й класс Табели о рангах) в качестве начальника одного из управлений Военного министерства. Генералы и офицеры русской армии в большинстве своем с недоумением смотрели на присяжного поверенного А.Ф. Керенского в кресле военного министра. Они помнили, что определенные должности в военной иерархии могли занимать только «полные» генералы (2-й класс Табели о рангах). И вполне понятна реакция военных чинов на сообщение о новом назначении П.А. Половцова: «Очень забавны физиономии гвардейских генералов, готовых скорей примириться с отречением царя, чем с назначением генерал-майора на место петроградского глав-

нокомандующего».

Революционное творчество выразилось и в самостоятельном формировании воинских частей, которые тут же в патриотическом порыве направлялись на фронт, по словам Половцова, «приводя весь Главный штаб и Главное управление Генерального штаба в неопишемую тоску».

Военный министр А.И. Гучков стремился с помощью Л.Г. Корнилова навести хотя бы элементарный порядок в Петроградском гарнизоне, назначив его сразу после Февральской революции главнокомандующим войсками столичного военного округа. Однако у Корнилова, замечает Половцов, «что-то не ладится... На днях в Финляндском полку у него с автомобиля сняли георгиевский флажок и водрузили красный».

Мнение Половцова о большинстве «революционных новшеств» в армии крайне отрицательное. Например, помощник военного министра В.Ф. Новицкий высказывается за то, чтобы в целях сокращения делопроизводства в Главный штаб не поступала впредь информация о прохождении службы офицерами русской армии. Пусть все дела остаются в полках и дивизиях. Половцов так комментирует эту идею: «Прекрасно. Но если Главный штаб не будет проверять, какая поднимется оргия жульничества с производством, наградами и цензами».

В 1917 г., по мнению военного министра, на первый план вышла проблема «моральной боеспособности» войск. И Ке-

ренский поехал на фронт говорить пламенные речи. Половцов пишет по этому поводу: «Говорит он хорошо, но упускает из виду, что эффект всякой речи выдыхается очень быстро и что, если он наэлектризовал какой-нибудь полк патристическими словами, это отнюдь не значит, что этот полк через неделю будет хорошо драться». Но у самого Керенского восприятие было иным и солдатское «ура» он «принимал за чистую монету в большей степени, чем какой-либо из российских самодержцев».

Половцов явно благоволит к Гучкову и не любит Керенского. И все же некоторые бытовые зарисовки точно передают колорит времени. Вот едет на фронт Гучков. Вагон военного министра прицеплен к обычному составу. Вместе с ним жена, два адъютанта, 3 офицера, фельдъегерь, писарь с машинкой. Поездка Керенского обставлена иначе: «Стиль путешествия не похож на тучковский: несколько вагонов, свита из всяких хулиганов, конвой из преображенцев и моряков, а не из юнкеров – очевидная поза на демократичность».

Половцов приводит много ярких примеров поведения лидеров партий, министров, различных должностных лиц в критические дни 1917 г. Его зарисовки с натуры дают нам весьма точную психологическую картину уходящего прошлого. Мы чувствуем весь пафос и безумие революционного настоящего. Легкий стиль автора не может скрыть ощущения приближающейся катастрофы.

Мы видим, что уже к началу лета среди людей,

симпати-зировавших демократии, сторонников «правового государства», либеральных преобразований наблюдалось острое недовольство активизацией самых разных социальных групп. Даже в резолюции съезда врачей отмечалось, что партийные страсти вызвали «острый психоз» в обществе. Людей охватил страх перед уголовным террором. Характерный случай. Войска под командованием Половцова разоряют группу то ли анархистов, то ли уголовников. А куда их везти, если «каждая тюрьма придумывает отговорки... Еле наконец сторговались на пересыльной тюрьме». Запуганный обыватель жаждет порядка и устраивает овацию генералу, как будто он «взял Берлин».

Летом многие стали высказываться за отмену до конца войны созыва Учредительного собрания как неспособного выразить истинные интересы народа в условиях царившей анархии. Один из лидеров трудовой народно-социалистической партии Н.В. Чайковский заявил 13 октября на заседании Временного совета Российской республики: «Я с самого начала войны утверждал, что проведение социально-революционных преобразований в полном объеме во время войны есть преступление, и мы это преступление совершаем». Тревогой звучали заголовки газет осени 1917 года, как бы подчеркивая слова лидеров кадетов, народных социалистов, правых социалистов-революционеров: «Анархия», «Бюрократическая вакханалия», «Крах российских железных дорог», «Поветрие сепаратизма», «Признаки конца».

Фактически весь 1917 г. стал периодом непрерывного кризиса власти и управления. Показателем этого стали апрельский, июльский (дважды); августовский, сентябрьский кризисы правительства. При этом они становились все более длительными. Майский кризис удалось погасить за несколько дней, сентябрьский кризис продолжался уже три недели. Отставка военного министра А.И. Верховского обозначила очередной кризис правительства уже в самый канун взятия власти большевиками. Косвенным показателем кризиса демократии являлся созыв Государственного совещания, Демократического совещания, а затем и Временного совета Российской республики на основе корпоративного представительства. Очевидцы событий указывают и на такой показатель кризиса власти, как распространение различных слухов о членах правительства. Инженер А.А. Бубликов писал: «Петербург – великий сплетник, и амурные похождения некоторых из министров немало способствовали падению престижа власти. Конечно, все это частная жизнь, но “публика” любит быть очень строга к старшим и хочет, чтобы “излюбленные” люди были, как жена Цезаря». Ему вторит Половцов: «Скоропалительно состоялся его (Керенского. – А.С.) развод с женой, которая, по слухам, ругает его на всех перекрестках, говоря, что небось пока он был скромным присяжным поверенным, так и она была хороша, а теперь и т. д. Встретил ее раз за чаем у Кузьмина, вид у нее невеселый. После развода все ожидали, что он женится на артистке Тиме, к кото-

рой, по-видимому, питал нежные чувства, но это не произошло... Теперь получают туманные сведения, будто Керенский совещался с обер-прокурором Синода о возможности его брака с одной из царских дочерей. Привожу эти сплетни, чтобы показать, в каком направлении работали обывательские языки».

Почву для сплетен давала сама власть. «Весьма характерно, – пишет Половцов, – переселение (Керенского. – А.С.) в Зимний дворец. Достоверно, что он сам шутит над своей подписью, которую из-за торопливости сократил до одной буквы “К” с неопределенным хвостиком. Теперь он говорит, что “А.К.” очень похоже на “Александра IV”. Его адъютанты стали носить аксельбанты по образцу флигель-адъютантских, а один из них, говоря про флаги, недавно заявил, что Керенскому так “эти красные тряпки” надоели, что он хочет Андреевский флаг сделать национальным. Красная тряпка на Зимнем дворце при каждом отъезде Керенского из города опускается, как в былые дни Императорский Штандарт, и голый флагшток свидетельствует об отсутствии Хозяина Земли Русской». Все это давало обильную пищу для остроумия, анекдотов и карикатур. Когда же режим становится смешон, дни его сочтены.

В своих воспоминаниях П.А. Половцов обращает внимание на такую малоизученную до сих пор проблему как межнациональные отношения в революционное время. Как известно, еще в марте 1917 г. на Украине ряд политиче-

ских партий и организаций создали так называемую Центральную Раду, которая возглавила национально-демократическое движение. В мае она решила добиваться от Временного правительства немедленного провозглашения особым актом принципа национально-территориальной автономии Украины. Правда, на переговорах это требование было несколько смягчено. Делегация Рады настаивала лишь на выражении «принципиально-благожелательного отношения к этому лозунгу».

Однако механизм конфликта с национальной окраской был запущен. Половцов вопреки мнению Военного министерства разрешил в некоторых полках выделить украинцев в отдельные роты. Он считал, что «самолюбивые хохлы заведут в своих ротах такой порядок, что кацапам станет совестно». Вначале расчет оправдался. Караульная служба пошла по строгим правилам старого устава. С постов исчезли скамейки, часовые перестали курить при исполнении своих обязанностей и т. п. Однако очень скоро эти части дали понять, что при любой попытке направить их на фронт они потребуют приказа своего украинского начальства в лице Центральной Рады. К осени дело дошло до дележа Черноморского флота. Украинским националистам удалось создать сильные организации на ряде кораблей. В октябре на трех кораблях был поднят украинский желто-голубой флаг. С кораблей «Воля» и «Память Меркурия» было списано около половины всего состава матросов-неукраинцев, что сделало

эти боевые суда небоеспособными. Морской министр Д.Н. Вердеревский был вынужден 16 октября отправить в Киев Центральной Раде следующую телеграмму: «Подъем на судах Черноморского флота иного флага, кроме русского, есть недопустимый акт сепаратизма, так как Черноморский флот есть флот Российской республики, содержащийся на средства Государственного казначейства. Считаю Вашей нравственной обязанностью разъяснить это увлекающимся командам Черноморского флота».

Осенью 1917 г. газета «Народное слово» с тревогой отмечала, что охотников идти по дороге сепаратизма немало. В качестве примера указывалось на требование крымско-мусульманского комитета об автономии Крыма, решение Кубанской войсковой рады о провозглашении Кубани федеративной областью Русского государства. Имелись сведения о планах образования Сибирской республики с предоставлением ей права самостоятельно связываться с близлежащими странами, содержать свои вооруженные силы и т. п. Вот в таких условиях Половцов оказался на Северном Кавказе, и его краткое повествование об этих месяцах конца 1917 – начала 1918 г. представляет сегодня особый интерес. Так, он повествует о попытке дать сражение курсировавшему по Владикавказской железной дороге бронепоезду с командой большевиков. Половцов, решив перехватить бронепоезд под Гудермесом, стал подбивать местное население разобрать железнодорожный путь. «Некоторый энтузиазм нахожу у мо-

лодежи, – вспоминает автор мемуаров, – но старики боялись национального вопроса, чтобы не создалось впечатления войны туземцев против русских. Они непременно хотят привлечь к операции казаков из близлежащей станицы, но на это шансов, конечно, нет никаких», Половцов приводит слова одного чеченского муллы: «Аллаху угодно было теперь наслать на человечество какое-то огульное сумасшествие, и пока Всемогущий не решит это сумасшествие вновь удалить, даже такие люди, как наш генерал, ничего поделать не могут, ибо на то Божественная воля».

Очень важно, что воспоминания написаны по горячим следам. По словам автора, «они представляют собой сборник личных впечатлений, вынесенных из только что пережитого прошлого. Этот характер я за ними и оставил, тщательно избегая вносить какие бы то ни было существенные изменения».

Книга снабжена примечаниями и именованным указателем. Их подготовка потребовала проработки материалов фондов штаба Кавказской Туземной конной дивизии, ее полков, отдельных документов других воинских частей и учреждений русской армии, хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). Текст передается в соответствии с современными нормами орфографии. Однако в некоторых случаях сохраняются особенности авторского написания таких слов и словосочетаний, как «Государь», «Ваше Величество», «Хозяин Земли Русской», «Швейцар-

ская Гвардия» и др. Неправильно указанные в тексте фамилии генералов и офицеров исправлены без оговорок в соответствии с послужными списками и другими документами фондов РГВИА.

Воспоминания П.А. Половцова дают нам возможность понять атмосферу, царившую в коридорах власти, узнать массу новых деталей из взаимоотношений Временного правительства и Советов, о положении в армии, истории подготовки корниловского мятежа. Многие из написанного автором воспоминаний хорошо узнаваемо сегодня, когда под влиянием радикально настроенной интеллигенции нашему обществу был навязан прыжок в неизвестность. Насилие над историей, подчинение жизни теории, спешка и нетерпение, стремление переделать все и сразу никогда не приводили ни к чему иному, кроме кровопролития. От этого пытался предостеречь будущее поколение русский генерал П.А. Половцов.

Александр Сенин

кандидат исторических наук

Предисловие

Приступая к обнародованию своих воспоминаний о революции, я прошу читателя не искать в них ни связанного хронологического описания событий, ни каких-либо определенных политических или социологических выводов. Записки были мною составлены в 1918 году, по отдельным заметкам и сохранившимся документам... Они представляют собой сборник личных впечатлений, вынесенных из только что пережитого прошлого. Этот характер я за ними и оставил, тщательно избегая вносить какие бы то ни было существенные изменения или добавления, которые, однако, иногда сами собой напрашиваются, когда оглядываешься на прошлое после промежутка времени в 10 лет... Кое-какие подробности я выпустил. Они касались лиц, смертью своею запечатлевших служение Родине, а если кто-нибудь из живых почувствует себя задетым, пускай он вспомнит совершенные ошибки и не обижается на того, кто в этих ошибках подмечал смешную сторону.

Мне могут поставить в упрек слишком, по-видимому, легкомысленное отношение к такому трагическому явлению, как русская революция, но, во-первых, повторяю, я не претендую на роль вдумчивого летописца, а затем, мне кажется, что события 1917 года явились лишь завершительным актом 300-летнего периода Русской истории. Настоящая Ре-

волюция (с большой буквы), бытовая и психологическая, в недрах Русского народа началась после этих событий, продолжается и по сие время, и неизвестно к чему еще приведет, а в 1917 году не могли не казаться смешными потуги к какому-то планомерному созиданию со стороны тех, что разрушил старое. Они не могли понять, что в России у них не было достаточно крепких корней, чтобы внедрить свою идеологию в массы и заставить эти массы пойти в направлении ином, чем линия наименьшего сопротивления. Многие из деятелей того времени теперь покаялись и, слава Богу, свои ошибки осознали. Да послужит их опыт уроком для тех, кто в будущем будет вынесен волной исторических событий на роль народных руководителей, и, хотя редко чужой опыт идет на пользу, будем надеяться на то, что в грядущей России найдутся люди более чутко улавливающие пульс исторических событий, их направление и течение.

П. Половцов

Перед революцией

В январе месяце 1917 года Кавказская Туземная конная дивизия¹, в коей я занимал тогда должность начальника штаба дивизии, стояла на отдыхе в Бессарабии после тяжелой боевой службы на Румынском фронте² осенью 1916 года. Так как эта дивизия, известная в публике под названием «дикий», играла некоторую роль в событиях революционной эпохи и так как моя личная жизнь была с ней довольно тесно связана, я позволю себе дать некоторые краткие сведения о том, что представляла собой эта интересная воинская часть.

В самом начале войны на Кавказе были сформированы конные полки из добровольцев тех мусульманских племен, которые в мирное время были освобождены от воинской повинности. Полков этих было шесть: Кабардинский, 2-й Дагестанский, Татарский, Чеченский и Ингушский, они были сведены в дивизию, и начальником этой дивизии был назначен брат Государя, великий князь Михаил Александрович.

Цель этого формирования была не только боевая, но и политическая, чтобы показать неразрывную связь Кавказа с Россией привлечением в общерусское дело кавказских народностей, а назначение великого князя начальником дивизии являлось особой милостью Царя к этим народностям; некоторую роль играло и чисто утилитарное соображение:

удалить с Кавказа на время войны наиболее беспокойные элементы, особенно мусульманские, среди которых могла бы иметь успех опасная туркофильская пропаганда или могли просто чрезмерно развиваться природные разбойничьи инстинкты.

Офицерский и унтер-офицерский составы были почти сплошь русские.

Мне пришлось сформировать Татарский полк из елисаветпольских и бакинских татар, командовать сначала ими, потом 2-й бригадой, а в 1916 году, после сдачи великим князем дивизии генералу князю Багратиону³, я был назначен начальником штаба дивизии. Дивизия два года дралась на Галицийском фронте⁴ с большой доблестью, несколько блестящих конных атак заслужили ей репутацию серьезной боевой части, а после удачных действий на румынском фронте при чрезвычайно трудной обстановке, у князя Багратиона явилась мысль увеличить состав дивизии и развернуть ее в корпус, благо на Кавказе подходящих элементов было еще много, да и на фронте было еще несколько мусульманских частей, которые можно было нам придать (1-й Дагестанский, Осетинский, Крымский-Татарский и Туркменский)¹.

Как только мы встали на отдых в Бессарабии, князь Багратион поехал в Ставку⁵, чтобы выяснить, как на это посмот-

¹ Эта идея была впоследствии осуществлена Корниловым, когда он пошел на Петроград в 1917 году. (Здесь и далее подстрочные примечания П.А. Половцова.)

рит начальство, и вернулся в восторге. Оказалось, что Государь этой мысли сочувствует и приказал представить соответственные соображения. Я моментально засел писать доклад и составил такую красноречивую поэму, что всякий, ее прочитавший, должен был убедиться в насущной необходимости для спасения отечества немедленно развернуть Туземную дивизию в корпус. Доклад отправили в Ставку, а на Кавказ полетели радостные письма, предупреждавшие о предстоящем в скором времени дополнительном наборе туземных добровольцев. Прошел месяц без ответа. Тогда князь Багратион попросил меня поехать в Ставку поторопить разрешение этого вопроса с тем, чтобы предварительно заехать в Петроград, явиться к великому князю Михаилу Александровичу, только что назначенному генерал-инспектором кавалерии и заручиться его одобрением.

Приехав в Петроград, испрашиваю аудиенцию у великого князя. Он меня принимает в понедельник, 20 февраля, на Галерной в Управлении его делами. Сначала беседуем о дивизии, о командовании которой великий князь всегда вспоминает с горячим чувством симпатии. Он меня расспрашивает про последние боевые дела, про судьбу отдельных командиров и офицеров и т. д. Затем я докладываю план расширения ее в корпус и говорю, что завтра еду в Ставку и хотел бы предварительно знать его взгляд на этот вопрос. Он мне отвечает, что вполне моему плану сочувствует и что если его запросят, то он, конечно, всячески нас поддержит. По-

сле разговора выхожу, очарованный, как всегда, сердечно-
стью и теплой простотой, неизменно веявшей от великого
князя.

В среду приезжаю в Могилев, отправляюсь в гене-
рал-квартирмейстерскую часть⁶, где сначала беседую со вся-
кими приятелями и товарищами по Генеральному штабу⁷, а
затем добираюсь до генерала Лукомского⁸. Он меня встре-
чает весьма радушно, но говорит, что весь вопрос о Тузем-
ной дивизии находится у дежурного генерала, т. е. Кондзе-
ровского⁹, и рекомендует не питать особенно радужных на-
дежд на благоприятный исход дела.

Отправляюсь в дежурство¹⁰, где разговор с генералом
Кондзеровским сразу принимает оборот неприятный. Ока-
зывается, было совещание главнокомандующих фронтами,
на котором решили сокращать кавалерию ввиду трудности
ее прокормления, и Кондзеровский заканчивает словами:
«Если сокращать “настоящую” кавалерию, то как же вы хо-
тите, чтоб мы увеличили вашу “дикую” дивизию?»

С гордостью заявляю, что мало есть «настоящих» кавале-
рийских дивизий, которые могут похвастаться 18-ю конны-
ми атаками за год, но удаляюсь с поджатым хвостом.

Обидно, что князь Багратион разгласил, что сам Госу-
дарь одобрил план формирования корпуса. Теперь получит-
ся разочарование и недовольство и в дивизии, и на Кавказе.
Вредно для царского авторитета.

Завтракаю в штабной столовой за столом военных агентов¹¹. После завтрака делаю визит иностранным агентам, а затем, для очистки совести, делаю последнюю попытку спасти дело Туземного корпуса и отправляюсь к помощнику начальника штаба генералу Клембовскому¹², считавшемуся главным врагом кавалерии. Встречает он меня весьма любезно, но говорит, что вопрос окончательно решен в отрицательном смысле, а затем делает энергичную контратаку, порицая меня за то, что я в это дело втягиваю великого князя Михаила Александровича, стараясь воздействовать на штаб высочайшей протекцией.

Отвечаю, что его высочество интересуется этим делом не как великий князь, а как бывший начальник дивизии и генерал-инспектор кавалерии. Совершенно ясно, что все мои карты биты и дело окончательно провалено.

Выхожу на двор, где встречаю своего друга флигель-адъютанта графа Замойского¹³, и с ним иду к командиру Конвоя¹⁴; оба стараются меня утешить и уговаривают меня не уезжать завтра, утверждая, что, наверное, Государь пожелает меня видеть. Ясно, что лица Свиты¹⁵ не любят, чтобы люди уезжали из Ставки недовольными, и теперь будут приняты меры, чтобы меня успокоить и огладить.

Перед обедом заезжаю с визитом к генералу Иванову¹⁶, бывшему главнокомандующему Ю.-З. фронтом, ныне состоящему при его величестве. Я служил у него в штабе в Япон-

скую войну и очень любил его. Вспоминаем минувшие дни, Ляоян – Шахэ – Мукден¹⁷, попиваем чай с сухарями. Старик жалуется, что не у дела, что много видит мерзости, но ничему помочь не может.

Отправляюсь обедать к Замойскому. Во время обеда слушаю разные рассказы о жизни в Ставке. Очевидно, между царской Свитой и профессиональным штабом существует конкуренция, да она и неизбежна, но каково бедному Алексееву¹⁸ работать при этих условиях.

Один из рассказов особенно меня заинтересовал.

Оказывается, что после сокращений, произведенных в регулярной кавалерии, где в каждом полку из шести эскадронов два были превращены в пехоту, то же самое хотели сделать в казачьих полках. В кавалерии эти меры породили, само собой, большое неудовольствие, но у казаков, где лошадь являлась собственностью всадника, могли получиться крайне нежелательные последствия, а с казаками ссориться, в особенности при тревожном положении внутри страны, казалось неразумным. Если кавалерию трудно было довольствовать на фронте, следовало ее отвезти на зиму в тыл и сохранить для ее настоящей работы, т. е. преследования разбитого врага. Все считали, что летом 1917 года разгром немцев должен произойти, и тогда большие кавалерийские массы оказали бы неоценимые услуги.

Однако проект о сокращении в казачьих частях в Ставке был уже разработан, но тут произошел оригинальный инци-

дент. Один из досужих флигель-адъютантов, большой сторонник кавалерии, увидел в генерал-квартирмейстерском отделении перехваченную немецкую радиотелеграмму знаменитого фон Шметтова¹⁹, поздравлявшего своих коллег с сокращением кавалерии, как доказательством того, что русские отказались от надежды на победоносный исход войны. Эта телеграмма была окольными путями доведена до сведения Государя, и приказ о сокращении казачьей конницы никогда не был подписан.

С особым удовольствием слушаю этот анекдот и с трудом воздерживаюсь от искушения в приятельском кругу сознаться в том, что эта телеграмма была пущена в темную ночь на румынском фронте, но совсем не фон Шметтовым, а мною. Она была сейчас же подхвачена главной Берлинской станцией и повторена ею по всем фронтам.

Фон Шметтов, вероятно, сильно удивился за утренним кофе, но подлинности своей подписи никогда не опроверг, а моя провокация удалась блестяще. Особенных угрызений совести не чувствую, вспоминая имена других «великих провокаторов» из истории Генерального штаба, о подвигах которых нам в академии говорили при закрытых дверях и только тем офицерам, которые были уже выпущены в Генеральный штаб. Вероятно, на том свете остался доволен мной прусский майор Брайтенфельс, столь хитро и удачно втянувший все свое начальство в победоносное сражение 6 августа 1870 года при Верте²⁰.

Во время обеда приходит записка с приглашением меня на высочайший завтрак на следующий день. Отправляюсь спать в вагон. В четверг утром штабной шофер, неизменная дружба коего куплена мною за 25 рублей, приезжает за мной на вокзал и везет меня в штаб. В ожидании царского выхода беседую со старыми знакомыми, с английским генералом, попадавшимся мне в Маньчжурии, с протопресвитером военного духовенства Шавельским²¹, тоже старым соратником, нежно кидающимся мне на шею, с министром двора графом Фредериксом, с Воейковым²² и другими.

Выходит Государь. Он в форме своего 6-го пластунского батальона. Черкеска сидит на нем хорошо, а между тем с элегантностью носить этот костюм не всякому дано.

Пьем великолепную водку, причем замечая, что Государь пьет очень мало.

Рассаживаемся. Алексеева нет; характерно, что он предпочитает питаться в штабной столовой. Рядом с Государем справа старший из иностранцев, а слева Иванов. Я оказываюсь рядом с румынским генералом. Приходится ему говорить приятные вещи о его стране, когда я столько наводил критики на их порядки, которые были действительно крайне неудовлетворительными, когда они вступили в войну.

Напротив меня сидит отец Шавельский. Заговариваю с ним, стараясь поддержать своего дивизионного священника Пospelова, норвящего получить одновременно и Владими-

ра на шею²³ и медаль «За храбрость», но вместо того получившего лишь синодское благословение. Шавельский приходит в негодование и просит меня объяснить Пospelову, что лучшее украшение пастыря это – смирение, а не кресты и медали. Подмечаю, судя по взгляду, что Иванов разговаривает с Государем обо мне.

После завтрака все переходят в соседнюю залу, где меня ставят между окнами у стены, вдоль которой выстраивают тех, с кем Государь будет беседовать. Тут меня подхватывает Иванов и торопливо шепчет: «За завтраком мы с Государем говорили о том, какой вы молодец, а только, если вы теперь будете с ним беседовать слишком... определенно, буду дергать вас за фалды». Государь кончает разговор с Шавельским и подходит ко мне.

Те же светлые, голубые глаза, та же светлая очаровательная улыбка.

Я рапортую по положению: «Такой-то (должность, чин и фамилия) имеет счастье представиться Вашему Императорскому Величеству».

Государь, улыбаясь, говорит, что во время завтрака наблюдал мою дружелюбную беседу с румыном. Отвечаю, что поневоле пришлось, но что воевать у них неприятно.

Царь смеется, а сзади Иванов дергает меня за черкеску. Разговор переходит на дивизию, вкратце докладываю о современном ее положении. Государь говорит: «Да, хорошо работают кавказцы, даже здесь дух захватывает, читая доне-

сения про их атаки. Очень хотелось увеличить дивизию, но совещание главнокомандующих фронтами, наоборот, нашло необходимым сократить кавалерию». На это я скромно заявляю: «А жалко, Ваше Величество, горцы такой чудный боевой материал», – сзади чувствуется очень настойчивое потягивание черкески. Разговор кончается пожеланиями здоровья, успеха и просьбой передать Царский привет кавказцам.

Царь переходит дальше по линии, потом удаляется в сопровождении Воейкова. Мне рекомендуют подождать, пока Воейков не выйдет от Государя, и поговорить с ним. Вскоре появляется Воейков.

Он жалуется на то, что в России всюду растет крамола, я ему выкладываю некоторые свои впечатления о Ставке и кончаю словами: «Пока у вас дела ведутся так, не жалуйтесь, что в России крамола. Крамола у вас здесь».

Захожу в Отдел военных сообщений²⁴, где нахожу двух товарищей по Академии; они мне устраивают отделение в поезде на завтрашний день, а затем долго рассказывают про ужасающее положение железных дорог. Если поверить этим пессимистам, вся железнодорожная сеть должна прийти в ближайшее будущее в полную негодность. Вот такие разговоры не должны были бы допускаться в Ставке даже в товарищеском кругу.

На следующий день уезжаю. Поезд отходит с большим опозданием, а в Петроград приходит не в субботу днем, а в 5 часов утра, в воскресенье, 26 февраля, оказавшееся пер-

ВЫМ ДНЕМ РЕВОЛЮЦИИ.

Революция

Картина начала революции была описана неоднократно, и повторять это описание я не стану. Нахожу очень томительным сидеть дома в бездействии, когда беспорядочные толпы солдат бродят по улицам, творя всякие безобразия. Пробираюсь к своему приятелю Ярмонкину на Моховую, испытываю пулеметный огонь на Казанской площади. У Ярмонкина узнаю новости о том, что формируется какой-то комитет²⁵ в Государственной Думе для водворения порядка и что Энгельгардт²⁶ назначен комендантом города. Поздно вечером Ярмонкин мне телефонирует подробности организации думского комитета и сообщает, что он по телефону передал Энгельгардту о моем прибытии в Петроград и думает, что меня, вероятно, вызовут, так как Энгельгардт собирает в Думе людей, могущих содействовать восстановлению нормальной жизни.

На следующий день умиротворения что-то не видать. Днем испытываю пулеметный огонь около Исаакиевского собора, а вечером приезжает за мной автомобиль из Думы с двумя студентами, приглашающими меня туда прибыть по просьбе Энгельгардта. Итак, окунаюсь в революцию.

Столпотворение в Тавриде²⁷ не поддается описанию. Мои провожатые ведут меня по всяким закоулкам во второй этаж

(кажется, бывшая квартира Остен-Сакена)²⁸. Здесь помещается «военная комиссия». Из кого она состоит, довольно неопределенно. Гучков²⁹ – председатель, из Генерального штаба здесь болтаются Туманов³⁰, Якубович³¹, Туган-Барановский³², Гильбих³³. Меня просят подождать. Сажусь на диван, где ко мне присоединяется флигель-адъютант граф Кутайсов³⁴, успевший спороть свои вензеля. Наблюдаю. Кавардак невероятный: все бегают, все распоряжаются, но толка не вижу. Вдруг волнение, – открывается дверь, появляется Гучков, с ним Пальчинский³⁵ и Потапов³⁶, последний бросается ко мне с возгласом: «Как раз тебя-то нам и нужно». Недоумеваю, почему. Он меня представляет Гучкову, а Пальчинский сразу вспоминает, что мы были вместе в Горном институте и что он от меня принял должность казначея студенческой кассы. Садимся вчетвером за стол и начинаем действовать.

Гучкова, сильно уставшего, теребят направо и налево. Дело ведет Пальчинский (удивительно светлая голова), а сумасшедший Потапов все путает и сосредотачивается, главным образом на политике, бегая все время на собрание солдатских и рабочих депутатов.

Пока сделано следующее: захвачен телеграф и беспроводный, все броневые автомобили работают на Думу, восстанавливая порядок в разных углах; назначены районные коменданты из полков, приславших депутации в Думу и за-

регистрированных в комиссии. Делаются наряды. Этим делом ведаёт горный инженер Паршин и очень даже хорошо, принимая во внимание общую сумятицу.

С телеграфа приносят массу телеграмм. Государь с Государыней обмениваются сведениями и вопросами, почти исключительно касающимися здоровья детей. Губернаторы и жандармское начальство проявляют большую растерянность и полную неосведомленность о положении дел в столице.

Очень внимательно следят за передвижениями Царя, но приказано ничем не стеснять эти передвижения, особенно если Государь пожелает ехать в Петроград или в Царское. Даже на этот случай послали в Лугу восстановить испорченный там путь.

Много возни в комиссии с депутациями от разных частей с выражениями верноподданничества революции. В некоторых старое начальство удержалось, в других разбежалось или перестреляно, в некоторых арестовано и нужно уговорить выпустить. Почти везде нужно назначать вр. и. д.³⁷ Особенно хорош для бесед с депутациями Пальчинский, успокаивающий страсти посредством юмора. Одна кровожадная депутация хотела получить санкцию на расстрел своих офицеров, но Пальчинский им быстро доказал, что если у них в деревне есть жены, с которыми они не живут, то желают ли они их смерти? Депутация ушла со смехом, согласившись, что «Бог с ними». Несносны всякие паникеры, влетающие в комнату с сенсационными известиями.

Идет борьба с последними протопоповскими³⁸ пулеметами; особенно сильное сражение у завода Сан-Галли³⁹, где после найдены у пулемета убитые юнкера Николаевского училища⁴⁰. Я прошу расследовать. Оказывается, толпа разграбила цейхгауз училища, и некоторые хулиганы нарядились в юнкерские мундиры. Все-таки училище очень непопулярно.

Доказываю Пальчинскому, что нужно организовать нечто вроде штаба. Берем лист бумаги, набрасываем отделы и кому чем ведать. Не хватает офицеров, а добровольно приблудшие студенты ужасно путают. Иду на телефон, вызываю академического правителя дел⁴¹, полковника Андогского⁴², прошу его разбудить и прислать 20 офицеров.

Особенно памятно появление во втором часу ночи депутации от Конвоя, Дворцовой полиции, без корон на погонах, и от Первого железнодорожного Его Величества полка. Все с огромными красными бантами. Гучков благодарит и просит меня выдать им благодарственные листы от Государственной Думы с предписанием их начальству продолжать оберегать «лиц и имущество, находящихся под их охраной». Справляюсь у депутации об именах начальства. С казаками легкая заминка. Их в Царском 2 сотни, другие 2 и штаб – в Ставке, и некий хитрый терский урядник мне объясняет, что старший из сотенных командиров – кавказский туземец, а младший – природный казак (вечная конвойная история), и что их депутация уже заходила к депутату Караулову⁴³, чтобы

узнать, кому повиноваться. Коротко заявляю, что в их дрязги нам входить не приходится и что бумага будет выдана на имя старшего.

За неимением печати взяли у Остен-Сакена его печать и скрепляем бумаги печатью коменданта Государственной Думы. После ухода казаков вспоминаем доблесть Швейцарской Гвардии.

Из числа грустных зрелищ, произведших большое впечатление, нужно отметить появление Гвардейского Экипажа с красными тряпками, под предводительством великого князя Кирилла Владимировича. Нужно заметить, что в Думе ясно обозначилось два течения: одни хотели сохранить идею какой-то закономерной перемены власти с сохранением легитимной монархии, другие хотели провозглашать немедленно низложение династии. Появление великого князя под красным флагом было понято как отказ императорской фамилии от борьбы за свои прерогативы и как признание факта революции. Защитники монархии приуныли. А неделю спустя это впечатление было еще усилено появлением в печати интервью с великим князем Кириллом Владимировичем, начинавшееся словами: «Мой дворник и я мы одинаково видели, что со старым правительством Россия потеряет все» – и кончавшееся заявлением, что великий князь доволен быть свободным гражданином и что над его дворцом развивается красный флаг. А про разговоры, якобы имевшие место между великим князем и Родзянко⁴⁴, по Думе ходили целые ле-

генды.

Прошла моя первая ночь в Думе. Питание поддерживали какие-то сестры милосердия, открывшие питательный пункт и приносившие нам чай и бутерброды.

Днем работа налаживается при помощи офицеров из Академии: появляются столы, стулья, организуются отделения. Народ к нам валит валом. Много депутатий; помню одну из Старой Руссы: какой-то поручик с несколькими солдатами рассказывает, как великолепно у них прошла революция: он взял власть в свои руки; арестовал все власти и установил полный порядок. Спрашиваю, что ему надо? – Хочет назначение на должность сатрапа⁴⁵ Старой Руссы. По системе Гучкова, благодарю его за проявление гражданского долга и утверждаю его временно в должности начальника гарнизона, пока не появится другая депутация, которая будет доказывать, что сей поручик подлец, мерзавец и контрреволюционер.

Любопытно появление разных генерал-адъютантов со споротыми вензелями и красными бантами. Приходит начальник академии и спрашивает меня, долго ли будут задержаны его офицеры, так как тогда ему придется соответственно удлинить потом время занятий. Вежливо отвечаю, что во время революции трудно сказать, но постараемся отпустить их скоро. Когда же он мне жалуется, что у него отобрали автомобиль, не выдерживаю и заявляю: «Ваше Превосходительство, благодарите Бога, что сохранили голову на

плечах».

Так как набралось много телеграмм, которые никто не может расшифровать, предлагаю Пальчинскому поехать в Главное управление Генерального штаба их разобрать; беру от него предписание Военной комиссии, достаю автомобиль (шофер юнкер Горгиджанов) и еду. Старый друг, чернобородый швейцар, переживший 6 начальников Генерального штаба и собирающийся пережить революцию, встречает меня с восторгом. Иду наверх в шифровальное отделение, где предъявляю свои документы; сейчас же все шкафы раскрываются и начинается работа. Телеграммы больше губернаторские и жандармские, некоторые интересны.

Закончив дело и оставив свою шашку на сохранение в одном из несгораемых шкафов, но сохранив на себе револьвер и кинжал, выхожу на площадь. Автомобиль пропал. Как потом оказалось, юнкера Горгиджанова во время ожидания меня вдруг осенила блестящая идея: арестовать Риттиха⁴⁶, и, подцепив какого-то приятеля, он полетел ловить министра земледелия, а про меня позабыл.

Стою на площади, негодуя. Вдруг вижу, от Исаакия мчится автомобиль с красными флагами и солдатами на подножках. Преграждаю дорогу, останавливаю и прошу меня довезти до Думы; внутри пассажир в форме военного врача, быстро соглашается. Влезаю и сообщаю доктору, кто я, а он, оказывается, – вновь назначенный градоначальник, профессор Юревич⁴⁷ (и это наследник Грессера, Валя, Клейгельса)⁴⁸.

Он мне жалуется, что в его распоряжении нет никакой вооруженной силы. Обещаюсь попросить Паршина дать ему несколько рот.

В Думе две темы разговоров: движение Иванова с Георгиевским батальоном из Ставки и деятельность Совета солдатских и рабочих депутатов.

Поход Иванова особенного волнения не вызывает, ибо теперь с одним батальоном ничего не поделаешь, да по имеющимся сведениям и настроение-то в этом батальоне не ахти какое воинственное.

Зато Совет солдатских и рабочих депутатов становится неприятным для нас учреждением. Этих господ в первый день было 200–300, а теперь вдесятеро больше. Из их среды выделен небольшой совет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.